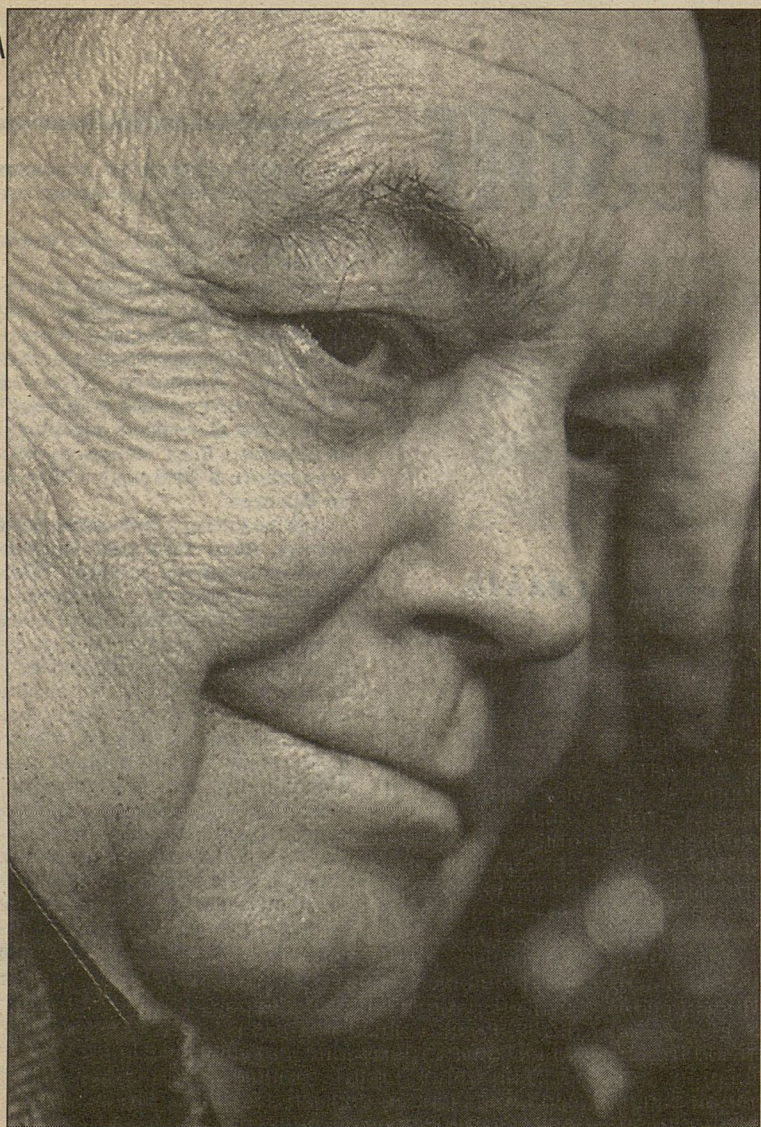

Валентин ЧЕРНЫХ:

“Я дерусь на ринге в своей весовой категории”

Этот наш разговор с драматургом Валентином Константиновичем Черныхом, состоявшийся еще весной, еще до Московского кинофестиваля, жюри которого он возглавлял, не был опубликован вовремя по одной причине — по причине остановки “ЭС”. Сейчас мы решили ничего в нем не менять — не вычеркивать, не дополнять, не допрашивать. Пусть все будет так, как было.

Дорогой и многоуважаемый Валентин Константинович! Мы с самого начала решили не скрывать страшную тайну нашего к вам отношения. Вы сами родом из газеты, знаете, что не получится — все прочтется между строк. Да и пытаться интересно того, кого любишь и уважаешь. Посему — начали.

Вы редко уходите в глухую тень, а сейчас ваше имя прямо-таки у всех на устах. Вал призов за “Своих”; юбилей — как бы к этому ни относиться — время итогов; не так давно прошел на Первом канале “Брежнев” по вашему сценарию. Почему именно сейчас и именно Брежнев?

— Не почему. Просто шел разговор на Первом канале у продюсера Максимова по другому проекту. И я привел пример с Брежневым, которого — так получилось — неплохо знаю еще со “Вкуса хлеба”, когда мы собирали материал по целине. Словом, зашел разговор и импровизационно возникло — а почему бы ни сделать портретный фильм “просто о человеке”. Я считаю, что “наверху” не бывает мелочи. И на государственных вершинах, и на коммерческих. Мелочь там не удерживается. Если наверху кто-то удержался, значит, это личность. Значит, за этим что-то стоит. Брежнев сверг Хрущева, он был практически во главе заговора, а потом уничтожил всех заговорщиков, которые были вместе с ним, —

всех, вчистую. В первую очередь самых сильных. Самого слабого — Подгорного — в последнюю. Ни одного человека не осталось рядом с ним. Разве это не фигура, не личность?

Приход его был не случайным. Страна устала от Сталина, устала от Хрущева. И не только страна — элиты устали: перестановки непонятные, кого назначают, куда переведут, Совнархозы, кукуруза, репрессии. Все хотели прогнозируемого лидера. И поэтому приход Брежнева был абсолютно запрограммирован. Не пришел бы Брежнев, явился бы кто-то, похожий на него. Но, может быть, нам повезло, поскольку пришел в общем-то нормальный человек. Он был землемером, в юности мечтал стать актером, женился на еврейке — что в то время не осуждалось, но и не одобрялось. Хотя документальных анкетных данных о еврейских корнях Виктории Петровны нет. Скорее всего, она была из выкrestов. Он единственный из всего Политбюро был на фронте.

Меня всегда возмущало, когда говорили: ну, вот этот, разложившийся... Я советскую систему рассматриваю как уникальную; она требует изучения, потому что выработала механизмы, разными способами державшие в узде миллионы очень разных людей. Я так считаю: люди, которые выжили при советской власти, выжили в любой ситуации. Их поставили в такие условия — политические, экономические, моральные — что они, все время бултыхаясь, вынуждены были защищать свое “я”. В такой тряске, при таком нажиме, пожалуй, не выжил бы ни один народ в мире. Тут сработала, конечно, еще и такая особая сопротивляемость российского народа — нелюдяного, законплексованного, привыкшего к сложностям, неудачам.

Только сейчас мы начинаем подбираться к анализу — в чем мы жили, что за люди были над нами. “Брежневский призыв” — уже не революционеры, а функционеры. Брежнев 1906

года рождения — значит, революцию он застал мальчиком, и вся его сознательная жизнь прошла при советской власти, он вступил в партию в 29-м году сознательным человеком. И он понял, что надо играть по правилам. А правила такие: только партия, только с ней, только от ее имени и ее именем. При этом я думаю, что из наших лидеров это был наиболее человеческий человек — в смысле нормальных человеческих качеств, которыми не обладали ни те, кто был до него, ни Ельцин, ни Горбачев — не знаю про Путина, слишком мало времени прошло. Брежнев был лучше, сердобольнее, но он был в системе, не мог перепрыгнуть через систему. И мне было интересно проанализировать все это.

— То есть, вы в какой-то степени пытались его реабилитировать?

— Нет, никакой реабилитации, только анализ.

— Но он у вас получился лирическим героем...

— Это он не у меня получился. У сценариста ничего не получается само. Я вам дам книжку, написанную на основе фильма. Кинороман. В нем собрано все, что вошло в картину и что не вошло, первые варианты сценария и другие вещи. На Первом канале, например, отказались от внутренних монологов Брежнева. А я их сохранил в книге, потому что последний год его жизни — сплошные монологи с самим собой, бесконечные вопросы: что, почему, как, пришла ли пора? По-моему, он очень боялся в последние годы. Все в стране было плохо, и он понимал: Хрущева сняли и его вот снимут, уберут. И не было преемника, на которого он мог бы рассчитывать и который не дал бы его в обиду (как, скажем, Путин Ельцина). У Брежнева не было такого человека. Ведь Андропов, как только пришел к власти, тут же скрутил Щелокова, и пошло, и пошло, и пошло. Брежнев, вероятно, очень опасался позднего Андропова. Он мог поставить вместо себя только партийного руководителя из крупной партийной организации — из Ленинграда или из Москвы, то есть Гришина или Романова, или еще Щербицкого. Машеров в то время уже погиб, в Белоруссии не было лидера. Вот такой расклад, ситуация очень противоречивая и сложная.

— Что это значит: у сценариста ничего само не получается? Вы что — не выдумщик? Просто следуйте за жизнью как она есть?

— Я всегда делаю только то, что мне хочется делать. А про выбор темы, героя, скажу вот что: сценарист, грубо говоря, как боксер. Вот я дерусь на ринге в своей весовой категории. Если я буду драться с боксером более тяжелого веса,

меня побьют. Если более легкого — я побью. По-моему, глупо, когда говорят: “я в своем творчестве...”. Нет никакого абстрактного творчества. Вот я чувствую, что сегодня необходим анализ фигур, которые были на виду, но которых до определенного момента не давали показывать. Почему французы долго ждали и только сейчас сделали фильм про Миттерана? Почему немцы сделали еще один фильм о Гитлере? Почему мы все время толчемся возле Сталина? Пришло время Брежнева. Художник, если он художник, то, как модельер, улавливает — сегодня необходимо это или то; сегодня женщинам нужно либо открывать грудь, либо закрывать ее. Я считаю, что нужно открывать.

— Всегда или сегодня?

— Всегда, но не всегда у женщины есть такая возможность.

— Кстати, о женщинах. У вас очень много женщин-героинь: “Выйти замуж за капитана”, в картине “Москва слезам не верит” их сразу три, “Женская собственность”, “Женщин обижать не рекомендуется” — не будем перечислять вам ваше же. Откуда вы их так хорошо знаете? Ведь есть вещи, про которые только мы, женщины, можем знать.

— На самом деле, конечно же, писательница лучше пишет про женщин, интереснее. Когда я читаю свою однокурсницу Вику Токареву, вижу, что она замечает какие-то вещи, которые я не замечаю в женщине. Конечно, мужчина не может описать женщину так, как это делает женщина. Так же, как женщина не может написать про мужчину. Ну вот, например, женщина пишет: он взял ее за грудь... Мне смешно. Она не может понимать...

— ...как мужчина берет за грудь?

— Как мы не можем что-то понять и почувствовать про вас. Я не страдаю манией величия по поводу своей мужской красоты, каких-то особенностей, из-за которых женщины вешаются мужчинам на шею.

— Ну да... И никто вам никогда не говорил: откуда это у вас такие глаза — раскосые и при том льдистого северного цвета? Кстати, откуда?

— Есть семейная легенда. Прадед мой из Архангельска, переселившийся в Кемеровскую область. Там много Черных, Седых — это сибирские фамилии. Они приезжали на неосвоенные земли и называли “гнездо” (хутор) черных или белых или, скажем, храбрых. С женщинами было плохо. Можно было взять в жены китайку, Китай рядом, не выкрасть, а взять на время — по договору. Прадед взял китайку, которую, естественно, не вернул. Было, не было — не знаю. А женских историй знаю множе-

ство не из-за моих “прекрасных глаз”. Я достаточно хороший слушатель. Я умею разговаривать с женщинами и умею их слушать. Вот когда слушаешь и не доказываешь свою точку зрения, а растворяешься в ее рассказе, вдруг выясняется, что идет такой поток... У меня был один случай: я сутки ехал из Москвы в Черновцы в СВ с незнакомой женщиной, и она мне рассказывала свою историю, замечательно рассказывала. А когда мы расставались, я почувствовал, что она меня возненавидела. То есть она перестала быть для меня тайной, настолько она выложилась, без остатка. И я понял, что совершил ошибку — надо было и мне ей что-то рассказать, чтобы мы были на равных. Она ушла, почти не прощаясь. Я запомнил это на всю жизнь — нельзя вот так высасывать человека.

— Вы хотите сказать, что все ваши “женские истории” вам кем-то рассказаны?

— В общем-то, да.

— И даже истории для фильма “Москва слезам не верит”?

— Это совершенно реальные истории. С конкретными фамилиями. Только потом все естественно трансформировалось. Но не будем о “Москве...” — о ней и так много сказано.

— Ваш последний роман “Киноартист” начинается словами: “Я всегда хотел понять, как люди становятся знаменитыми...”. Вы поняли?

— Да.

— Не герой вашей книги, а именно вы?

— Сейчас все стремятся стать знаменитыми, славы хотят, замуж хотят выйти не просто по любви, а за именитого и богатого, карьерного продвижения желают и прочее, и прочее. Это становится целью, все люди рвутся что-то завоевать, что-то добыть. Положим, они всегда рвались, всегда были Растиньки, однако сейчас это уже стало особой сферой нашей жизни. Завоевавшие крепко за добытое держатся и добычей не делятся. Девочки с Рублевского шоссе — одна категория, девочки, посещающие ночные клубы, — другая. Общество настолько расслаивается, что человек, живущий в тридцати километрах от Москвы, живет уже в другом мире. Все чрезвычайно усложняется. Все очень изменилось. Поэтому многие вывалились из тележки. Не в состоянии отслеживать происходящее. Я сузу по драматургам и режиссерам. Нет режиссеров. Обычно режиссерский век, век работоспособности — до 60 лет. По существу, в этом возрасте режиссеры, за редким исключением, заканчиваются. У них заканчиваются “примочки”. Это как в боксе, как в цирке — не может человек и все. И режиссер не может. У драматургов

Джран и сержан —

срок длиннее, и у художников. Это абсолютно точное наблюдение. Можете проверить.

А сегодня еще раньше сгорают. Поколение режиссеров, у кого шестидесятилетний рубеж еще впереди, раньше вывалилось из тележки. Оно может лишь копировать. Может только делать с матрицы. Оно неспособно на новые решения. И это трагедия.

— А нынешнее молодое поколение? Они, по-вашему, могут?

— А оно еще не пришло. Оно только-только начинает. Потому что общество еще не устоялось. Но думаю, будет что-то.

— Валентин Константинович, вы знаменитость...

— Нет...

— Как это нет? Вы во всех смыслах знаменитость. Понятно, что вы можете этого не ощущать, не хотите этого признавать, но, тем не менее, вы человек, чья профессиональная жизнь состоялась.

— Нет, я известен в узком кругу. В очень узком. Помню, как мы принимали в Союз кинематографистов братьев Вайнеров. Кто-то поморщился — нет, не будем принимать, их мало кто знает. Я тогда сказал: давайте проведем эксперимент — вот сидят члены секретариата, люди известные, выйдем на улицу, и кто нас узнает? А если спросим, кто такие братья Вайнеры, все скажут. Известность всегда очень относительна.

— При всем уважении к братьям Вайнерам, вы все-таки говорите о варианте некой полковой известности.

— Всякая известность — полковая, поверьте.

— То есть вы себя не осознаете никакой величиной?

— Я теперь уже возрастная величина.

— Ежели практически все истории, рассказанные вами для кино, вам кем-то рассказаны, то где вы?

— Везде и нигде.

— Не лукавьте.

— Я просто порождение характера. Я сформировался в определенной среде при определенном сопротивлении. Я пришел в кино, не зная вообще ни одного кинематографиста. Поступил во ВГИК на курс Киры Парамоновой и не знал, что она специалист по детскому кино. Она меня приняла, и я ей благодарен за это. Я поработал в трех газетах, в районных, в областной. Мне хотелось писать. Что такое писатель или режиссер? Это люди, которые не состоялись в чем-то, в чем другие состоялись. Правда, правда. Закончив школу ФЗО в Риге, я стал судовым сборщиком. Дальше мог бы стать бригадиром, инженером. Мог бы пойти по этому пути, но у меня не было способностей, не умел читать чертежи, напрочь отсутствовало инженерное мышление. Вторую попытку сделал в армии, попав в авиационную школу, где должен был изучать приборы высотно-кислородного оборудования истребителей. После окончания службы многих вербовали в реактивную авиацию, и я мог бы стать авиационным инженером, но у меня не было той самой "шишки", чтобы чинить приборы, конструировать и так далее.

— То есть "нежность к реву-щему зверю" отсутствовала.

— Именно. И куда бы ни падал, всюду терпел неудачу. Научился водить машину, но понял, что я очень средний водитель. В четырнадцать лет начал заниматься боксом и даже дошел до первого разряда. Но тренер сказал: ты не будешь хорошим боксером, потому что ты думаешь на ринге, а на ринге думать не надо, там

должна быть животная реактивная сила — удар идет, ты отвечаешь. А ты — думаешь, и тебя всегда будут бить. В общем, прошел целый круг. Еще работал на телевидении, был редактором "Фитиля". Даже закончив курсы режиссеров телевидения, понял, что и телевизионным режиссером буду плохим. Мне надо писать — вот здесь я смогу что-то сделать. И так, наверное, у каждого происходит.

— История про "Своих", тоже кем-то рассказана?

— Профессия драматурга, писателя — воровская профессия. Нормальная воровская профессия. Режиссерская профессия — тоже воровская. И актерская. Все наблюдают и берут. Мы крадем у людей — истории, словечки. Кто-то сказал — я записал.

— И все-таки вы лукавите, Валентин Константинович. Ведь это же вы придумали для нас Гошу в "Москве..."

— Гоша — это я.

— Под пыткой драматург признался!

— Просто мне нравился такой тип мужчин — достаточно откровенных. Они говорят женщинам то, что думают, и хотят от женщин услышать то же самое. Гоша — идеальный партнер для женщины, потому что он и ее принимает за партнера. Старик в "Своих" — это тоже я. Такой я, каким я себя представляю, — в стариках. Когда был помоложе, представлял себя Гошей. А старик в "Своих" — абсолютно я в старости. Спросите у моей жены Кожинской — она знает меня лучше, чем я сам. Помните фильм "Любовь с привилегиями"? Когда мы с Брагинским писали сценарий, он спросил: а как же мы будем писать Константина Кирилловича (его сыграл Вячеслав Тихонов)? Я ответил: с меня будем писать. Вот какой я — такой Константин Кириллович. Во всех реакциях. Мы же так или иначе пишем о себе.

— А это не газетные ли заморочки — ощущение, что ничего не придумывается, что жизнь — лучший автор?

— Заморочки есть. По опыту преподавания во ВГИКе могу сказать, что к третьему курсу у сценаристов исчерпываются все сюжеты, не знают о чем писать. Я сам пережил такой момент. Мне было 30 лет, когда я выходил во ВГИК на диплом, прошел к этому времени через многое — армию, газеты, телевидение и так далее, — однако не знал о чем писать. Такой заскок случился. Я испугался и стал настраивать свою голову на поиск сюжета. И вдруг в какой-то момент почувствовал, что пошли сюжеты — причем десятками. У меня огромные амбарные книги, и я каждый день в них что-то записываю. Там свои шифры, значки. Для меня сейчас нет проблем написать 50 рассказов, 20 сценариев, пять пьес, десять романов. Нет проблем. Все заготовки есть. Для продюсера Лены Яцуры сейчас буду делать сценарий, который называется "Секретарша".

— Опять женщины.

— Оказалось, что в российском бизнесе, особенно в малом, женщин больше, чем мужчин. Женщины оказались более приспособлены к бизнесу — по выживаемости. Я встречал таких и хочу написать о том, какую страшную угрозу несет женщина-бизнесмен, готовая ради своей цели заложить все, разорить не только себя, но и близких, родственников. Это такой особый тип российской женщины.

— В свое время замороченным женщинам вы "прописали" Гошу, а этим вы что прописываете?

— Что русскому хорошо, то немцу — смерть. Так и здесь — что хорошо на Западе, то в России приобретает уродливый характер. И женский бизнес приобретает чудовищный характер. Обманывают, не держат слова, торгуют женским естеством.

— А еще что вы собираетесь написать?

— Мы с Димой Месхиевым обсуждали тему молодого Сталина. Как он сформировался, откуда пошли такие комплексы, как и из чего вдруг выросло такое чудовище. Похоже, время для темы пришло.

— Сколько нужно амбарных книг, чтобы сюжеты пошли косяком?

— Не знаю. Но они у меня с 57-го года. 48 лет каждый день веду записи. Вот закончится наш сегодняшний разговор, приду домой и напишу: "Уварова и Басина — то-то, то-то". Алексей Сахаров не поверил про записи. Я ему показал: 1971 год, съемки фильма "Человек на своем месте", зачитал. Он был поражен.

— У вас мастерская во ВГИКе — есть сегодня сценарная надежда?

— Очень мало. Выход небольшой. Но, скажем, Юлия Дамскер, с которой мы делали сценарий "Дети Арбата", оправдывает сразу несколько курсов. Вот такие бывают девочки. Очень талантливая.

— А из вашей собственной жизни, что может стать сюжетом для фильма?

— Все. Конечно, все.

— Если бы вы писали сценарий про свою жизнь, как бы вы его назвали?

— Никогда не задумывался. Но что-нибудь со словом "поглощение". Ну, например, "враждебное поглощение". Все время ведь с кем-то борешься, с кем-то не соглашаешься, что-то отстаиваешь.

— При этом в вашем доме всегда много людей — он этим славен. Кого-то вы кормите, пригреваете, учите, кому-то просто даете приют, кому-то устраиваете судьбу.

— Это все Мила Кожинская. Она педагог Божьей милостью. Она любит своих студентов, следит за их судьбой, она проталкивает их сценарии, показывает режиссерам. Она любит собак, своих студентов, своих детей, внуков. Она очень хороший человек. Я ей в подметки не гожусь. Я стал лучше, живя с ней. Это на самом деле так. Я вообще агрессивен. Можете у Кожинской спросить.

— Спросим. На очной ставке. А вот как вы ее — Кожинскую Милу, Людмилу Александровну, жену, да такую, что только мечтать можно, — добились, сами признавайтесь.

— Поступал во ВГИК и приметил во дворе аспирантку с фигуркой такой... Мы познакомились и тут же поругались. Потом гляжу — она входит в аудиторию. Преподавать. Она меня, собственно, профессии и обучала. Она была разведена, я — женат. Но постепенно стало понятно, что это значения не имеет, что надо нам быть вместе. Тут мне как раз пришлось время вступать в партию, кончился кандидатский срок, я кандидатом стал еще в газете, у нас же печать была партийная. Но поскольку я ушел от жены, которая на меня написала в партбюро, что я сплю со своей преподавательницей, а у меня семья, сын, в партию меня не приняли. Я ушел из ВГИКа, уехал от Милы — в Крым. Отрабатывал путину в рыболовецком колхозе. Осенью приехала Людмила Александровна. Как нашла меня, не знаю. Поехали, говорит, в Москву, у меня завелась своя квартира и во ВГИК надо возвращаться. Так

мы и стали с ней жить — всю жизнь. И все, что в этой жизни случилось, вместе переживать.

— А кто вам "свой" по жизни?

— Свои, которые свои. Трудно сказать. Вот вы свои, хотя и с вами мы в чем-то расходимся. Как можно это объяснить — не знаю. Свои — это широкое понятие. Но это всегда надежно.

— Вам нравится ваша работа?

— Я люблю сам процесс. Пишу ручкой, потом перепечатаваю на компьютере. Пишу только тонкими хорошими дорогими ручками. Перьевыми. Последняя ручка, вотермановская, стоит десять тысяч рублей. Но она стоит десять тысяч — чувствуется. Это как хорошее оружие. Ручки, оружие — они имеют свою специфику. У меня только хорошая бумага. Хорошие чернила. Веду ручкой по бумаге... Причем, с какой плотностью начинаешь писать, с такой же плотностью и получается произведение. Буква к букве — страница выстроена; понимаешь, ага, все пошло, в том же размере, с тем же темпом. Каждая бумага требует определенной ручки. У меня большие запасы газетной бумаги, которая очень хорошо впитывает чернила определенных ручек. Бумага пожелтевшая. Но ее ничего не замечает.

— Что вы еще запасаете?

— Да ничего. Все есть. Правда, год назад, кажется, в связи с "Никой", я вдруг обнаружил, что у меня нет костюма. Купил, надеваю два раза в год. Не нужен писателю костюм, но на презентации и академические мероприятия требуются. У нас договор о совместной деятельности. Производством фильмов занимается в основном продюсерская компания — Яцура, Мелькумов, Глухов. А я сейчас хочу писать. И делаю то, что хочу.

— Премии, награды важны для вас?

— Меня это не волнует. Хотя приятно, что и говорить. У меня есть своя "теория Брежневых" — почему Брежнев так любил орден. Он вообще любил подарки. А когда пошли орден, он стал относиться к ним, как к очередному подарку. И сам всех награждал, поскольку понимал, что нужно быть благодарным человеку, если тот что-то хорошее сделал.

— Хорошо вы понимаете этого человека и его время. Вам тогда было интереснее или сейчас?

— Конечно, сейчас. Сейчас люди интереснее, все интереснее. И все понимаешь.

— Отчего же у вас возникают приступы агрессии? Что вас будоражит?

— Когда меня уродуют, когда нарушают мои авторские права. В молодости было проще, можно было податься. А как подраться с продюсерами Адой Ставиской, Андреем Камориным и режиссером Андреем Черным, моим однофамильцем? Он снял сериал по моему сценарию, в основе которого мой рассказ "Тамбовская волчица". Я прочитал режиссерский сценарий и ужаснулся. Попросил в гильдии сценаристов произвести анализ. Уважаемые сценаристы Одельша Агишев и Наталья Небылицкая доказали, что вписанные без моего ведома тексты в режиссерском сценарии — графоманские, следовательно, Андрей Черных — графоман; я думаю, он и как режиссер графоман. Я требовал снять мою фамилию с титров, а студия "Новый русский сериал" отвечала: не можем технологически, вы поздно написали заявление, прошли сроки. Какие сроки, если я поднял тревогу еще на стадии режиссер-

ского сценария! И все это на совести продюсеров Ады Ставиской и Андрея Каморина. Противная ситуация. Вот размышляю, что хуже: позор или многолетняя тажба в судах? Фильм от этого лучше не станет.

— Это производственный конфликт. А по жизни вам сейчас спокойно?

— Ну, как мне может быть спокойно? У меня старая собака. Больная. Я выхожу с ней в два часа ночи. А живу я на окраине Москвы, там всякие случаи происходили. И собака меня не защитит — это я должен защищать больную собаку, поэтому вооружаюсь средствами, разрешенными для обороны.

— Так, что же хорошего в этом времени, если постоянно нужно посматривать по сторонам, и все равно что-нибудь да недоглядишь, и вы даже не можете справиться с продюсерами?

— Еще не вечер. Или по суду, или кинематографическим сообществом они будут наказаны. Я упорный.

— Но вы ведь тоже продюсер.

— Сейчас нет.

— Вы же один из первых, кто начинал это новое дело российское продюсерское — в студии "Слово" на "Мосфильме".

— Мы делали неплохие картины. Последняя — "Кино про кино" Валерия Рубинчика по сценарию Анатолия Гребнева. У нас две родственные организации: студия "Слово" и продюсерская компания "Слово". У нас договор о совместной деятельности. Производством фильмов занимается в основном продюсерская компания — Яцура, Мелькумов, Глухов. А я сейчас хочу писать. И делаю то, что хочу.

В 94-м я написал роман "Москва слезам не верит" (фильм вышел в 1980 году), и мне все время предлагали сделать продолжение. Я отказывался — актеры постарели, история исчерпана. Теперь возникла идея написать роман о детях героини, о том, как они в нынешней ситуации существуют.

Пишу, получается забавно. К августу собираюсь закончить. Печатать будет мое любимое питерское издательство "Амфора".

— А с любовью у героев романа как?

— С любовью хорошо. У всех.

— Вам хочется, чтобы у всех все получилось?

— Я и в кино, и в литературе ценю американскую модель: можно говорить всю правду, но в финале герой должен быть вознагражден, героиня тоже, и по возможности, все должно быть хорошо.

— Потому что люди этого заслуживают?

— Потому что люди этого хотят.

Мы ничего не придумывали. Как говорилось, так и записали, разве что немножко, по-редакторски этот разговор давних знакомых "причесали". Объяснять и "подавать" Черных Валентина Константиновича не нужно: как бы он ни отпирался, талант и труды сделали его известным. А выдумать такого человека невозможно.

Беседовали
Наталья БАСИНА
и Елена УВАРОВА